

УДК 82.09

DOI: 10.26456/vtfilol/2022.3.027

ЖУРНАЛЫ «СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ» И «ГОДЫ» КАК ОТРАЖЕНИЕ ИДЕЙНО-ТЕМАТИЧЕСКОГО СВОЕОБРАЗИЯ МОЛОДОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОЙ ПРАГИ*

Н. Ю. Желтова, И. Н. Новокрещенова

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, г. Тамбов

В статье рассматривается содержание литературного раздела пражского эмигрантского журнала «Студенческие годы» (1922–1925), преобразованного впоследствии в «Годы» (1926–1928). Анализируется творчество Г. Кузнецовой, И. Кнорринг, И. Лукаша, В. Лебедева, Н. Болесциса, А. Воеводина, И. Савченко, Н. Раевского, А. Ладинского и других. В их произведениях доминирующими стали темы светлого прошлого, родного дома, православной веры, которые выступают контрастом к темам поруганной славы Святой Руси, революционного террора, Первой мировой и Гражданской войн. Особенно остро актуализируется тема «своего» и «чужого» пространства, значимой также становится тема духовного женского подвига.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, молодые писатели Русской Праги, журналы «Студенческие годы», «Годы».

В настоящее время за Русской Прагой закрепилось реноме образовательного центра русской эмиграции, «Русского Оксфорда», «университетской столицы», «места приготовления», в котором присутствовала идея выбора жизненного пути для молодого человека-эмигранта [37]. Сегодня достаточно хорошо изучена история многих крупных учебных заведений Праги: Русского института, Русского народного университета, Русского юридического факультета в Праге, Русского института сельскохозяйственной кооперации и других. Однако главное внимание исследователей в основном сосредоточено на крупных фигурах русской профессуры и их вкладе в русскую и европейскую науку и культуру [5; 28; 27; 8]. Собственно жизни пражского студенчества посвящено немного работ (см., например: [15; 40]). А между тем именно в этой среде рождалось немало творческих идей, сформировалась достаточно активная литературная жизнь, появились творческие объединения молодых писателей и поэтов, несколько молодежных периодических изданий, в том числе журналы «Студенческие годы» и «Годы».

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта N 20-312-90047

С целью защиты прав русских студентов в Праге в 1921 году было организовано Объединение русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО), которое выпускало журнал «Студент». В 1922 году он был переименован в «Студенческие годы» (1922–1925), а в 1926 году – в «Годы» (1926–1928). Эти издания стали стартовой площадкой для многих молодых писателей русской эмиграции, хотя наряду с ними в литературном разделе публиковались и их известные старшие современники (А. И. Куприн, И. А. Бунин, Б. А. Лазаревский и другие). Уже в первом номере журнала «Студент» было напечатано обращение крупного пражского писателя Е. Н. Чирикова к студенческой молодежи [31] и далее в продолжении журнала в его литературном разделе продолжали соседствовать произведения как начинающей молодежи, так и «старшего» поколения. В 1923 году редакция по этому вопросу даже приняла символическое решение: «То, что рядом с произведениями «молодых» будут помещаться и произведения «старших», общепризнанных, по мнению редакции, не только никого не смутит, но, быть может, даже поощрит многих из начинающих авторов» [32].

Именно в 1922–1925 годах «Студенческие годы» переживали свой расцвет как оригинальное литературно-публицистическое явление. В редколлегию журнала «Студенческие годы» входили крупные журналисты, писатели, общественные деятели: Н. Быстров, В. Власьев, С. А. Водов, А. Воеводин, М. Ильяшевич, В. Лазаревский, Б. Неандер, Г. Флорианский, А. Фринта, К. Цегоев, И. Черкесов. В журнале на регулярной основе публиковались стихи, проза, критика и публицистика, сведения о студенческой жизни, театре и спорте. Однако до сих пор об этом издании известно мало. Некоторые сведения о нем можно найти в «Литературной энциклопедии русского зарубежья» (см.: [12]), а также в работах Д. Д. Николаева [30].

Представляется, что обращение к произведениям молодых писателей в журналах «Студенческие годы» и «Годы» позволит прояснить особенности формирования и существования молодой литературы Русской Праги, обозначить ее идейно-тематическое своеобразие, определить ее включенность в общий литературный процесс русского зарубежья 1920-х годов.

Одной из самых часто публикуемых поэтесс в журнале «Студенческие годы» стала Г. Кузнецова (1900–1976), которая проживала в Праге с 1921 по 1924 годы. Именно в первом выпуске журнала (1922) состоялся ее поэтический дебют стихотворением «У царственных могил». Поэтесса обращается к образу Маргариты – главной героини пьесы И. Гёте «Фауст», используя многочисленные аллюзии и реминисценции. Духовно чистая девушка подвергается искушению дьявола и просит защиты у Святой Матери: «Быть может, здесь, на каменные плиты / Склоняюсь

измученным и каменным лицом / У Девы-Матери просила Маргарита / Защиты пред ее таинственным Творцом» [21]. Участь эмигрантки сопоставима со «смертельным ужасом» и «холодом древних плит», которые испытывает героиня Гете.

В этом стихотворении закладывается своеобразная традиция обращения русской пражской молодежи к мировой литературе и культуре. В творчестве Кузнецовой она закрепляется в стихотворении, посвященном современнице Марии Рейнгарт, которая была студенткой Карлова университета. Через образ лирической героини происходит отсылка к комедии Ж. Мольера «Смешные жеманницы» («И лестью вкрадчивой природного обмана / Звучит мольеровский блестящий монолог» [19]), картине А.Ватто «Жеманница» («Сегодня вы Ватто жеманная маркиза / И серебром блестит ваш локон завитой» [Там же]) и вальсу И.Штрауса «Сказки венского леса» («Сороковых годов ожившая картина / Вы сказки шепчете поверженных столиц» [Там же]). Иносказательно поэтесса обращается к славному заграничному походу русских войск 1814 года, во время которого состоялось взятие Парижа, и от распада была спасена Австрийская империя. Но уже в 1849 году спасенная Вена присоединяется к англо-франко-турецкой коалиции против Российской империи во время Крымской войны. В этом стихотворении также прослеживается одна из главных тем русских молодых писателей – осмысление былой славы России и причин ее гибели. К этой же теме Кузнецова обращается в стихотворении «Киев», где показан идеализированный город, который является ее малой родиной, а также оплотом православной веры и источником духовной силы русского народа: «Город старинных храмов и белых монастырей» [18].

Одним из ключевых мотивов в поэзии молодых русских эмигрантов становится поиск жизненного пути и тоска по утраченной Родине. Н. Болесцис (1897–193?), участник пражского литературного объединения «Скит поэтов», в стихотворении «Прошлое» обращается к теме памяти, до-революционного прошлого, воплощенного в образе родного дома: «Мысли-ласточки кружат над старым домом, чертят летом в небе ворожбу» [2]. Лирический герой чувствует отчужденность минувшего, которое вдруг стало «незнакомым», «непонятым» и нереальным, окрашенным болью и страданиями. В стихотворении «Вечерние минуты» поэт акцентирует тему эмигрантской тоски, от которой не спасают даже новые страны и впечатления: «Много лет, поводырь ослепший, я брожу среди желтых скал, / Может быть, оттого мне легче, что за мною бредет тоска?» [1].

Тоска преследует и лирическую героиню Кузнецовой в стихотворении «Парижские этюды», в котором великолепная красота Парижа меркнет в сравнении с Родиной: «И пусть меня тоска истомила. / Мне ничего, ничего не жаль...» [34]. В этом произведении также обозначается оппо-

зиция «своего» и «чужого» пространства, которая потом станет типичной для эмигрантской литературы: «Печальной гаснущей звезды / На чуждый город я смотрела...» [Там же].

Болезненно тоскует о невозможном и лирическая героиня в стихотворении И. Кнорринг (1902–1943) «Трепет»: «Как тяжесть страшного недуга / Тоска все шире и темней» [11]. В середине 1920-х годов уже отчетливее начинает звучать мысль в эмигрантской литературе, что возврат на Родину при жизни становится несбыточной мечтой, которая разбивается о страшные реалии жизни: «Пусть страшен день и ночь тревожна, / Ведь в жизни пусто и темно. / Душа, в тоске о невозможном, Все чаще просится на дно» [Там же].

Эти настроения Кнорринг разделяет и редакция журнала «Студенческие годы», которая в декабре 1925 года объявляет о переименовании журнала в «Годы» в 1926 году: «Пусть не суждено нам было до сих пор обрести счастье возвращения на освобожденную и очищенную Родину, пусть скорбно кончаются и уходят в прошлое наши студенческие годы, пусть на смену им идут просто годы, полные, быть может, новых лишений, страданий и унижений, – мы гордо останемся по-прежнему на нашем посту» [33]. Находится «на посту» бывшим студентам, но остающимся молодыми людьми помогает русская классика.

Ранее в стихотворении «Вечер» И. Кнорринг также обращается к образу тоскующей души, «разделенной пополам», которая находит успокоение в «соловьином саду» поэзии А. А. Блока: «А потом, как всегда, одиноко, / В непонятной тоске, не дыша, / Над испытанным томиком Блока / Человеческой станет душа» [9]. Кнорринг, затрагивая тему поэта и поэзии, видит бессмысленность своих стихов, в которых нет мечты и подлинных идеалов и которые не могут найти адресата, поскольку «жалки стихов моих трели», «проходят без смысла, без цели угрюмые люди», «не жду сокровенного чуда, тоске не пытаюсь помочь», а силы оставляют лирическую героиню вместе с уходящей юностью.

В стихотворении «Муза» Кузнецова также обращается к минувшим годам юности и к теме поэта и поэзии, которая раскрывается сквозь призму эмигрантских странствий, не могущих тем не менее убить желание творчества и «лепет славы»: «Скитались мы по выжженным путям, / У всех дверей протягивая бубен...» [20].

В стихотворении «Из дневника» героиня Кузнецовой апеллирует к образам героев из произведений А. С. Пушкина, горячим вечерним молитвам Богу и славянскому Лелю о любви и счастье в замужестве: «И вот о жизни и игре опять поет безумный Герман», а «рядом спутник молодой на Леля смуглого похожий» [17]. Пушкинские реминисценции пронизывают все стихотворение: «Как сладко думать у огня / О золотой какой-то встрече» [Там же].

В отличие от парижской молодежи, кумиром которой стал М. Ю. Лермонтов, в произведениях чехословацких поэтов отчетливо заметно доминирование гения А. С. Пушкина. В. Лебедев (1896–1969) в стихотворении «Наташа» буквально в нескольких строках описывается жизнь «смуглого и насмешливого поэта» и ее финал: «Кавалергард в блистательном колете..», «И вдруг, во двор-возок. <...> И тенью смерти тронутый висок» [23]. Несмотря на страшные потрясения XX столетия, войны и революции безвременная гибель Пушкина является подлинной трагедией: «Но до сих пор сквозь дым, огонь и гуль / Шестнадцати дюймовых дуль – / Я слышу эхо выстрела Дантеса» [Там же].

Обращаясь к творчеству выдающихся современников, А. Брей в статье, посвященной памяти С. А. Есенина, замечает, что «здоровье, свежесть, понятность и искренность ставят его на особое место среди современных поэтов – в этом залог любви к нему» [4, с. 28]. Критик убежден, что своей сердечной близостью родному дому он интересен и эмигрантам: «За безалаберность эту самую, нам родную, за простодушную, душевную песню, за грустную нотку в ней, за бесшабашную удаль любимы Сергея Есенина...» [Там же].

В творчестве молодых русских пражан пространство «чужого» не только противостоит «своему», но и еще выписано в гипертрофированной, экзотической форме. В стихотворении В. Козловского (1896–1943) «Верблюды» присутствуют африканские мотивы, напоминающие образность Н. С. Гумилева: «Спокойно Сфинкс глядит на низкий красный диск, / На зыбь песчаных волн, / На дальний караван, / Уж скоро в тьму уйдет сыпучий океан»; «Марокко шлет к морям с цикорием тюки, / А тропики – слоновые клыки» [13]. При этом лирического героя не отпускает характерное для эмигрантского сознания желание завершения трудного пути.

Стихотворение Кнорринг «Там», написанное 14 ноября 1925 года, посвящено жизни поэтессы в Тунисе (1921–1925). Оно насыщено яркими красками, свойственными восточному миру («Там краски знойны и пестры, И по долинам в душный вечер горят арабские костры» [10]), который, однако, насыщен страданиями, но уже принят и понят как «свой»: «Там сторона моя глухая, / Где горечь дум узнала я, / Пусть ненавистная, пусть злая, / Вторая родина моя» [Там же].

А. Воеводин (1888–1944) в рассказе «Тягота» описывает деятельность французского иностранного легиона в Африке в 1920-х годах, куда от тоски-безысходности поступили служить офицеры и солдаты Белой армии: «Здесь люди всех цветов и национальностей. И в странные, грубые формы отлилась жизнь этой кучки людей, собранных несчастьем из всех стран. Пьянство и порок поощряются» [6, с. 18]. Причем Воеводин считает, что «тягота к оставленному» присуща всем народам, именно она маркирует сильных и слабых духом. Экзотические пейзажи Марокко и бе-

лые бурнусы арабов навевают русским воспоминания о страстной неделе перед Пасхой: «Ночь милого юношества в страстной четверг, - родная и верная, как объятия матери. Цветные фонарики тают и вспыхивают» [Там же]. Герой дезертирует из эскадрона с товарищем в надежде начать вольную жизнь и избавиться от убивающей тоски: «...В хрупком стеклянном воздухе открылись ворота в желанное будущее» [Там же, с. 22].

В рассказе Воеводина «Черное солнце» показано уже прошлое, но не идиллическое, а полное мистических предзнаменований и мрачных предчувствий, который ощущает герой с символической фамилией Иванов на фронте Первой мировой войны: «...Смутно представлялось Иванову, что воздвигалось над Россией ужасное чудовище, все попирающее железными лапами и нет сил ему противостоять» [7, с. 3]. Революция, отречение новой власти от религии вызывает в душах простых людей страх перед концом света: «...Потухнуть солнце должно и антихрист смущать придет в мир. Немец на нас все это напустил...» [Там же, с. 4]. Герою казалось, что эти настроения можно успокоить, но им «тут же овладело отчаяние, что ничего уже нельзя сделать, ничем не помочь, что Россия обречена. Краешком души прорезал тогда темное, страшное будущее» [Там же].

В одной из деревень в крестьянском доме солдаты видят икону Христа Спасителя, пострадавшего за народ и веру, как символ грядущих тяжелых времен: «...Взгляд глубокий, скорбный, прощающий, на лице капли крови, от колючего венца и непросохшие струйки самогона» [Там же, с. 7]. Красный террор преследует эмигрантов и в изгнании, их сажают в тюрьму только из-того, что они русские, а, значит, большевики.

Сумасшедший Василий предрекает гибель царской семьи и дальнейшие события в России: «Кровь! Я вижу, как течет она из разбитой головы. Дергаются на полу подвала мертвеющие тела. <...> Все рушится, взрывается, гибнет земля в черном огне катастрофы» [Там же, с. 9]. Теме спасения все время сопутствует мистический мотив неотвратимого черного солнца как символ предопределенности национальной трагедии: «Повисло черное солнце, мертвое, падают с него сгустки крови. Последнюю ночь любите своих жен, последнюю ночь слышите крики своих детей» [Там же].

И. Лукаш (1892–1940) в рассказе «Керемет» поднимает тему наступательной операции русской армии в Закарпатской Украине: «Карпаты покатались, может и вся Россия покатила?» [26, с. 8]. Через фамилию одного из героев рассказа автор обращается к гражданской лирике Н.А. Некрасова: «А был со мной на помосте под часок, Разуваев: фамилия такая некрасовская, на выдуманную похожа, из гражданских стихов» [Там же]. Разуваев рассказывает автобиографическому герою, что в Белоруссии почитают Керемета – черного Бога, духа зла, крови и пытки. Здесь писатель указывает на специфическую черту русской культуры, в

которой язычество тесно связано с христианством: «Мордва, черемисина, залешанские мужики, бабы-яги и кощеи бессмертные и упыри, сосущие кровь человечью. Керемет – бог Разуваева, а я думал, что Разуваев – «православный русский воин» [Там же, с. 9]. Риторическое обращение героя к святой Руси содержит реминисценцию на поэму Н.В. Гоголя «Мертвые души»: «Русь, Русь... Кто поймет тебя?» [Там же].

Во время прогулки по Петербургу к герою является Керемет в виде убиенного государя Павла Петровича и предрекает гибель императорской семье и революцию в России: «И будем поджидать мы Государя Последнего, со царевичем и царевнами. <...> ...Будем мы ныне грызть холодную Дьяволицу, будем рвать мы сладкое ее тело, белую медь, блудницу окаянную, Русь Терзательную...» [Там же, с. 10].

По оценке писателя, отказ от веры приводит к власти Керемета, поэтому для России наступают темные времена: «Керемет свищет над Русью черным крылом. <...> Вырвался. Ужо теперь погуляет. Погасит крылом смирные наши огни» [Там же, с. 12]. Мифологический образ Керемета, с одной стороны, формирует мистическое, ирреальное пространство, на котором разворачивается вневременная битва добра и зла, а с другой – отражает реальную действительность как мифологическую.

В рассказе Лукаша «Джан-Ханум» русский эмигрант также попадает в своеобразное экзотическое пространство – в Стамбул, знаменитый Царьград, бывшую столицу Византии, колыбель русской православной культуры, ставшую теперь границей между Европой и Азией: «Стройно синеют стрелы дальних минаретов, а купола меж их, как опрокинутые синие омофоры. На мостовой решетке чеканные морские кони-позеленелые тритоны – такие же как у нас в Петербурге, на мосту Николаевском» [25, с. 7]. Но от Петербурга у героя остаются лишь воспоминания, прежней России больше нет: «И ничего у меня нет – только трепет ветра в глазах. От всей России осталась мне только походная шинель, да немытая рубаха под шинелью» [Там же].

Мысли главного героя как бы в отчаянии цепляются за образы русской классической литературы, которые сами по себе символизируют утраченную Россию: «...Вот и нянюшки, и Пушкин, и крестик-тоненький листик»; «Вот была Империя Византийская и была Империя Российская, был также и Санкт-Петербург. Белеет парус одинокий» [Там же, с. 8].

Лукаш обращается к теме Востока и стамбульскому тексту, наполненному экзотическими ароматами и красками: «Шафраном, мятой, оливами, апельсинами, горьким кофе пахнет в стеклянных проходцах. Тусклые игры чеканок на уздечках и пашках, оранжевые потоки ковров, запах корицы» [Там же, с. 7]. И на фоне этого стамбульского великолепия описывается нищий лагерь русских беженцев, которые оказываются чужими в этом благоденствии: «Все отошальные, в зеленоватых френчах, не

стрижены волосы, и одинаковым все движением – нечистоплотным и покорным – выковыривают пальцем вшей из-под пропотевших воротников» [Там же, с. 8].

В рассказе «Ветер» Лукаш обращается к фольклорным мотивам, ветер показан в произведении как одухотворенная сущность, ставшая свидетелем исторических событий и являющаяся единственным посредником между покинутой Родиной и ненавистой чужбиной: «В туретчину забежал на лето глянуть, как живет-поживает побродяжная братия, ветровая ватага, детушки твои – русские беглецы» [24, с. 2]. В этих фрагментах заметны сказовые элементы, имитация народной поэтической речи, которые должны усиливать эффект отчуждения эмигрантов от родной стороны. Эти же приемы используются в рассказе И. Савченко (1899–?) «Шрам», в котором описывается восстание на Кубани и бегство повстанцев из плена большевиков к Черному морю глазами очевидца: «И Мандрыка, свернув толстущую папиросу, поведал мне сказ о казаках, бежавших в горы после того, как фостиковская повстанческая армия, теснимая со всех сторон красной конницей, покинула родные леса и горы и спустилась к морю Черному, морю печали и слез» [38, с. 2].

Трагедия гибнущей страны показана в стихотворении «Дедов сказ» В. Никифорова-Волгина (1901–1941), в котором поэт обращается к образу богомольной, святой Руси, погибшей в пламени революции: «Отшептала, радость тихая, Русь дедова. Отшептала Русь лапотная, странная, богомольная. Быльем заросли тропинки в скиты заветные» [29]. В произведении также использована народная поэтика, напоминающая своими истоками жанр плача: «Отпели старцы. <...> Отшептала Русь сказки прекрасные. Вечная память, вечный покой» [Там же].

Образ Руси, Родины воплощен в поэзии молодых писателей в образе любимой женщины с печальными глазами, как в стихотворении Болеслица «Русь»: «Холодными усталыми глазами. Не высказать накопленную грусть, / Нет женщины печальнее глазами, чем Русь» [3]. Женские образы, соотносимые с судьбой России, ее историей составляют отдельный тематический пласт произведений, опубликованных в журналах «Студенческие годы» и «Годы». В них прослеживаются параллели образа русской эмигрантки с подвигом жен декабристов. В стихотворении Г. Пронина (1898–1962) отмечается верность русской женщины («Лишь ты осталась гордой, смелой нам верной в буре до конца» [35]), ее умение быть сопричастной трагической участи избранника («Как шли мы все и как погибли понятно лишь тебе одной» [Там же]).

Н. Снесарева-Казакова (1898–1948) запомнилась русской эмиграции как сестра милосердия во время Гражданской войны и талантливая поэтесса. Ключевой темой в ее поэзии является обращение к Богу, юродивым и странникам, божественному предопределению: «Только в горе,

молитвы читая, Сердце к Господу тянется» [39]. Также душой к вере тянется и лирическая героиня в стихотворении Кузнецовой «Актриса», несмотря на то, что в эмигрантском настоящем трудно найти духовные силы: «Не веря ни в ад, ни в крест / Вспоминаешь ночные службы / И свой монастырский лес» [16].

Н. Раевский (1894–1988) в статье «Умерли или живы (Тургеневские девушки)» на примере героинь романов И.С. Тургенева пытается определить, соответствуют ли им современные девушки и дает положительный ответ: «Среди изломанных и павших, среди утомленных и потерявших веру в добро найдете их – чистых, честных и готовых к подвигу. Они есть» [36, с. 30].

В статье Б. Константина «Сами по себе» в рамках обсуждения двух вышедших в Праге книг «Воспоминания 500 русских детей» и «Дети эмиграции» привлекается внимание к проблемам русской молодежи в эмиграции, и, в частности, к судьбе русских женщин: «Жизнь многих и многих русских девушек в 1919–20 годах – это тема для романа приключений, ужасных, жутких и уже теперь» [14, с. 30]. Но несмотря на то, что многим из них пришлось пережить настоящую трагедию на родине, они «с трогательной любовью относятся к России, как к таковой, как к своей Родине и верят в ее будущее» [Там же, с. 31].

Стихотворение «Погоня» А. Ладинского (1895–1961) наполнено женскими образами, с которыми прямо соотносятся и образ Москвы, и народной души, и самой России: «...Розовую девичью Москву / Мы берегли и кутали в сугробах» [22], «И вдруг ушла народная душа / За табором в цыганские улусы, / Мы собирали, горячо дыша, / Отечество – рассыпанные бусы» [Там же].

Женственный образ России, отданной на растерзание, показан и в стихотворении А. Эйснера (1905–1984) «Близок к миру час заката». В нем поэт сожалеет об утрате православной России и предчувствует ее скорую гибель: «Лишь бы ты, моя Россия, Божия страна, / Поняла зачем в лихие руки отдана», «Поняла зачем заклята, / В смертной суете, / И сказала б в час заката Правду о Христе» [42].

В повести «Вавочка» К. Чхеидзе (1897–1974) женская любовь становится скрепляющим звеном в воспоминаниях главного героя о Первой мировой и Гражданской войнах. Роман с Вавочкой, женой командира дивизии, в пылу военных действий, предчувствии постоянной опасности, «неправильности» чувств становится центральным событием жизни главного героя: «Мы заняли край стола и своей близостью создали особый мир, и тишина нашего мира не нарушались звуками речи: мы писали друг другу...» [41, с. 4]. Вообще тема любви в ее чистом виде мало представлена в произведениях студентов-пражан, она почти всегда соотносится с известными историческими событиями, идеальным женским образом.

Таким образом, творчество молодых авторов журналов «Студенческие годы» и «Годы» содержит множественные переключки как с произведениями русской и мировой классической словесности, так и современной литературы. Доминирующими темами прозы и поэзии молодых писателей Русской Праги стали исторические победы России и причины ее гибели в настоящем, поиск жизненного пути и тоска по утраченной Родине, освоение «чужого», часто экзотического пространства сквозь призму своих воспоминаний о доме, использование фольклорных мотивов, обращение к вопросам существования поэта и его творчества за рубежом, соотнесение оставленной России с женской сущностью, верой и любовью.

Список литературы

1. Болесцис Н. Вечерние минуты // Студенческие годы. 1923. № 2. С. 19.
2. Болесцис Н. Прошлое // Студенческие годы. 1923. № 1. С. 5.
3. Болесцис Н. Русь // Студенческие годы. 1925. № 5. С. 1.
4. Брей А. Есенин // Годы. 1926. № 1. С. 27–30.
5. Буланова М. Б. Высшие учебные заведения Российской эмиграции в Праге // Наследие. 2018. № 1(12). С. 60–67.
6. Воеводин А. Тягота // Студенческие годы. 1923. № 1. С. 18–22.
7. Воеводин А. Черное солнце // Студенческие годы. 1923. № 5. С. 2–9.
8. Гудкова С. П. А. Л. Бем в научно-образовательном пространстве Праги 1920–1930-х гг. // Интеграция образования. 2009. № 1(54). С. 32–35.
9. Кнорринг И. Вечер // Студенческие годы. 1924. № 6. С. 14.
10. Кнорринг И. Там // Годы. 1926. №1. С.7.
11. Кнорринг И. Трепет // Студенческие годы. 1925. № 2. С. 6.
12. Коваленко С. А. «Студенческие годы» // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). Москва: ИНИОН РАН, 1998. Т. 2. Ч. 3. С. 67.
13. Козловский В. Верблюд // Студенческие годы. 1923. № 1. С. 28.
14. Константин Б. Сами по себе // Студенческие годы. 1925. № 5. С. 30–31.
15. Косик В. И. Сергей Моравский о русских студентах в Праге // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике. Документы и материалы. Москва; Санкт-Петербург, 2016. С. 274–277.
16. Кузнецова Г. Актриса // Студенческие годы. 1925. № 5. С. 21.
17. Кузнецова Г. Из дневника // Студенческие годы. 1925. № 2. С. 5.
18. Кузнецова Г. Киев // Студенческие годы. 1925. № 2. С. 5.
19. Кузнецова Г. Марии Рейнгарт // Студенческие годы. 1922. № 3–4. С. 14.
20. Кузнецова Г. Муза // Годы. 1926. № 3. С. 2.
21. Кузнецова Г. У царственных могил // Студенческие годы. 1922. № 1. С. 11.
22. Ладинский А. Погоня // Годы. 1926. №3. С. 2
23. Лебедев В. Наташа // Студенческие годы. 1925. № 3. С. 3.
24. Лукаш И. Ветер // Студенческие годы. 1923. № 6–7. С. 2–3.
25. Лукаш И. Джан-Ханум // Студенческие годы. 1925. № 1. С. 7–15.
26. Лукаш И. Керемет // Студенческие годы. 1923. № 2. С. 8–12.

27. Макаревич Э. Ф. «Русская акция» и Русский заграничный архив в Праге и их вклад в отечественную историю и русскую мысль // Ученый совет. 2021. № 9. С. 706–711. DOI 10.33920/nik-02-2109-09.
28. Михальченко С. И., Ткаченко Е. В. Русские высшие учебные заведения Праги 1920–1930-х годов глазами эмигрантов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. № 3. С. 96–106. DOI 10.21638/11701/spbu02.2016.308.
29. Никифоров-Волгин В. Дедов сказ // Студенческие годы. 1925. № 4. С. 7
30. Николаев Д. Д. Русская эмигрантская периодика в Чехословакии // Литература русского зарубежья. 1920–1940 годы. Москва: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2004. С. 329–426.
31. Осовский О. Е. Е. Н. Чириков и студенчество русской Праги в начале 1920-х годов // Нижегородский текст русской словесности: художественное постижение национальной ментальности. Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, 2021. С. 299–307.
32. От редакции // Студенческие годы. 1923. № 1. С. 2.
33. От редакции // Студенческие годы. 1925. № 5. С. 1.
34. Петрова Г. (Кузнецова Г.). Парижские этюды // Студенческие годы. 1924. № 6. С. 1.
35. Пронин Г. Русской женщине // Студенческие годы. 1925. № 5. С. 2.
36. Раевский Н. Умерли или живы (Тургеневские девушки) // Студенческие годы. 1925. № 5. С. 28–30.
37. Резвухина А. И. Феномен «Русской Праги» // Философский полилог. Журнал Международного центра изучения русской философии. 2018. № 2. С. 205–211. DOI: <https://10.31119/phlog.2018.4.10>.
38. Савченко И. Шрам // Студенческие годы. 1923. № 4. С. 2–7.
39. Снесарева-Казакова Н. Отчего не могу у креста я // Студенческие годы. 1925. № 5. С. 14.
40. Соколова В. А. Литературная жизнь «Русской Праги»: кружки и организации русских литераторов в Чехословакии (1920–1939) // Новые российские гуманитарные исследования. 2010. № 5. С. 10.
41. Чхеидзе К. Вавочка // Годы. 1926. № 3. С. 3–6.
42. Эйсер А. Близок к миру час заката // Годы. 1926. № 1. С. 7.

**MAGAZINES “STUDENCHESKIE GODY” AND “GODY”
AS A REFLECTION OF THE IDEOLOGICAL
AND THEMATIC IDENTITY OF THE YOUNG LITERATURE
OF RUSSIAN PRAGUE**

N. Yu. Zheltova, I. N. Novokreschenova

Derzhavin Tambov State University, Tambov

The article considers the content of the literary section of the Prague emigrant magazine “Studencheskie gody” (Student Years) (1922–1925), which was later

reformed in “Gody” (Years) (1926–1928). The article analyses the works of G. Kuznetsova, I. Knorring, I. Lukash, V. Lebedev, N. Bolescis, A. Vojevodin, I. Savchenko, N. Raevsky, A. Ladinsky and others. In their works the themes of the bright past, the home, the Orthodox faith become dominant contrasting with the themes of the violated glory of Holy Russia, revolutionary terror, World War I and Civil War. The theme of “home” and “alien” space is particularly topical; the theme of a spiritual feat of a woman also becomes significant.

Keywords: *literature of Russia abroad, young writers of Russian Prague, magazines “Student years” (“Studencheskie gody”), “Years” (“Gody”).*

Об авторах:

ЖЕЛТОВА Наталия Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, журналистики Тамбовского государственного университета (392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33), e-mail: nata_zheltova@mail.ru.

НОВОКРЕЩЕНОВА Ирина Николаевна – младший научный сотрудник Международного научного центра изучения творческого наследия Е.И. Замятина, Тамбовский государственный университет (392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33), e-mail: i16041992@yandex.ru.

About the authors:

ZHELTOVA Natalya Yurevna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature and Journalism, Tambov State University (392000, Tambov, Internationalnaya str., 33), e-mail: nata_zheltova@mail.ru.

NOVOKRESCHENOVA Irina Nikolaevna – Junior Researcher at the International Scientific Center for the Study of the Creative Heritage of E.I. Zamyatin, Tambov State University (392000, Tambov, Internationalnaya str., 33), e-mail: i16041992@yandex.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.08.2022 г.

Дата подписания в печать: 02.09.2022 г.